

Российская Православная Церковь

СУЗДАЛЬСКИЙ ПАЛОМНИК

№ 16

Цареконстантиновский собор
г. Суздаль

**Ваше Высокопреосвященство,
Всемилолюбивейший Первоиерарх, Владыко Митрополит!
Возлюбленные о Господи Архипастыри!**

Милостью Божией мы снова собрались вместе, дабы продолжить деяние Собора нашей Церкви и принять необходимые решения во славу Божию, на благо Церкви Христовой и во спасение всех верных чад ея.

Движимый чувством непреодолимой скорби, мне хотелось бы обратить самое серьезное Ваше внимание на те явления, которые в последнее время все чаще и чаще стали проявляться в нашей Церкви, неся за собой непонимание и некую затаенную отчужденность от тех постановлений, которые были приняты Архиерейским Синодом и его Первоиерархом, в дальнейшем что может весьма отрицательно сказаться на духовном возрождении Российской Православной Свободной Церкви.

Дело в том, что некоторые пастыри, стоящие у ключевых позиций, на страницах отечественной и зарубежной прессы делают такие заявления и зловещие свои умозаключения, которые ставят под сомнение решения Синода Зарубежной Церкви. Своими выступлениями они вносят дезорганизацию Российских приходских общин, возбуждают законное негодование не только россиян, но и зарубежья, и, вне всяких сомнений, колеблют устои церковной дисциплины.

По всей вероятности, эти «церковные деятели» не понимают, а быть может и преднамеренно не хотят понять, что в годы безбожного правления в России была создана атмосфера лжеправославия, которая до сих пор сильна, а подавляющая масса верующих, окормлявшихся и окормляемых духовенством советской патриархии, не знают иного православия, кроме того, которое насильственно насаждалось все эти годы безбожного правления.

Выпады некоторых духовных лиц, принадлежащих к Зарубежной Церкви, против решений Архиерейского Синода, звучны с выпадами и нападками духовенства советской патриархии и их безбожных наставников. Нас мало удивляют выступления иерархов Московского патриархата, потому что они не подчинили себя высшему нравственному началу, а пытаются подчинить своему земному понятию истины. Но нет никаких сил, чтобы не удивляться тогда, когда это исходит из уст зарубежного духовенства. И поверьте мне, Богомудрые Архипастыри, что это очень больно ра-

нит душу каждого простого православного христианина, проживающего в России и возлагающего свои надежды и чаяния на возрождение истины, исходящей от Зарубежной Церкви.

Со своей стороны считаю, что будет полезно и весьма назидательно, со всею строгостью и определенностью, не исключая канонического прощения, запретить духовенству делать каких бы то ни было заявлений по поводу тех или иных решений Архиерейского Синода и Его Первоиерарха.

ВАЛЕНТИН

Епископ Суздальский и Владимирский.

ДВОЙНОЕ ПРАЗДНЕСТВО

12 июля Праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла в с. Борисовском является особым днем. Это оброчный день. История его неразрывно связана с покровительством над землей Владимирской Божией Матери.

В конце 18 в. в пределах Владимирской губернии вспыхнуло моровое поветрие. Вымирали целые села. Смерть правила свой бал и, казалось, конца этому не будет. Но вот однажды одной монахине из Княгининского Успенского монастыря в г. Владимире явилась Божия Матерь, которая возвестила, что смертоносная опасность исчезнет, как только Ее чудотворный Боголюбивый Образ будет принесен из Боголюбovo во Владимир. Весть эта вызвала у градоначальника опасение — скопление людей во время крестного хода может способствовать еще большему всплеску эпидемии. Поэтому крестный ход решили не делать. Однако доведенные до отчаяния люди, помня о чудесном откровении Божией Матери, настояли и в торжественном крестном ходе понесли Боголюбскую икону в г. Владимир. И — чудо. В день принесения иконы и в последующие дни не было зарегистрировано ни одного случая со смертным исходом, и вскоре болезнь покинула пределы г. Владимира. Затем Святую Икону понесли с крестными ходами по всем городам и весям Владимирской губернии, и где только Икона эта побывала, там смертельная опасность проходила.

Ежегодно в прежние времена в праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла святая Икона Боголюбской Божией Матери приносилась в с. Борисовское, и торжество праздника усугублялось таким образом вдвойне. Для села Борисовское это удвоенное празднество было как вторая Пасха.

Но как вихрь, налетела на Русь буря безбожия, кощунственно поруганы многие святыни земли русской, разрушены и осквернены ее храмы. Буря не обошла и с. Борисовского. Храм святителя Василия был закрыт, разграблен, осквернен и обращен в складское помещение. Что можно было разрушить, было обращено в развалины, но память верующих сердец не изгладила из сознания православных день, когда была явлена милость Божия с. Борисовскому. Как могли, но этот день отмечали в селе.

И вот теперь, когда после долгих лет запустения, храм Святителя Василия Великого открыл свои двери для молитвы, верующие его прихожане, по благословению преосвященного епископа Суздальского и Владимирского Валентина, возобновившие древнюю традицию, с цветами в руках и зажженными свечами ожидали святую Икону Боголюбивой Божией Матери, которую сопровождал в село Борисовское сам преосвященный Владыка. Разделить торжество праздника прибыли верующие из Суздаля и близлежащих селений. И хотя храм Святителя Василия Великого все еще являл следы безбожного варварства, молитвенная радость и духовный подъем верующих сглаживали следы разрушения. После встречи иконы преосвященным епископом Валентином соборно был совершен водосвятный молебен с чтением Акафиста, а затем святую Икону обнесли вокруг храма. После краткого назидательного слова святая Икона была поднята священнослужителями, и, благоговейно преклонив голову, богомольцы проходили под ней. Преосвященный Владыка окроплял всех проходящих святой водой. Торжество праздника завершилось возглашением уставного многолетия.

Икона Боголюбивой Божией Матери была оставлена еще на две недели; в эти дни святая икона Божией Матери посещала дома православных жителей с. Борисовского.

Архимандрит ФЕДОР

Слово, произнесенное на пассиву

«Иисус же, возгласив громко, испустил дух»
(Мк. 15, 37).

Совершилось великое дело искупления! Совершилось таинственное событие, духовно возрождающее и исцеляющее человека! Вися на кресте, Господь наш Иисус Христос, был оставлен всеми

и даже возлюбленным учеником, который обещал душу положить за Него.

Висит Христос, тело Его кровоточит, израненное, растерзанное как вретиге, не имеющее целости. Потемнело лицо, которое ранее сияло яки солнце. Умолкли уста, огорченные желчью, умолк язык богоглаголевой, и гортань Божественного гласа умолкла!

Кто же тепер утешит плачущих? Кто скажет грешнице: «Отпущаются грехи твои!»?

Израненные руки, от прикосновения которых содрогалась смерть. Израненные ноги, у которых — женщина грешница получила прощение. Раненое сердце, которое было источником любви и милосердия к бедствующим.

Сладчайший Иисусе, Ты наш Отец, ибо породил нас к жизни и питаешь нас любовью. Своею, чем мы сможем усладить горечь нашу? Ты ранами своими говоришь, словно устами о наших беззакониях, жестокосердии и нерадении о своем спасении. Помогни нам избавиться от всего греховного и настави нас на стезю смирения и раскаяния. Не остави нас на земле одинокими, не дай погибнуть нам во грехах наших, яви милость Свою богатую. Аминь.

Слово, сказанное в шестую неделю

«Прощаются тебе грехи твои, дерзай, чадо, вера твоя спасет тебя» (Мф. 9, 2).

Этими словами Господь наш Иисус Христос показал, что главною причиною расслабления человека являются грехи. Ведь Господь вначале отпустил грехи и только после этого исцелил от недуга, а затем воодушевил словами: дерзай, чадо, вера твоя спасет тебя.

В сегодняшней евангельской притче мы наблюдаем два события: одно — прощение грехов, которые приводят нас к расслаблению духа, а затем порчи нашего тела, и второе — вера больного, которая не только помогла больному избавиться от недуга его, но и вселила надежду на милосердие Божие.

Почему вера может спасти нас? Да потому, что вера в подлинном смысле этого слова — значит жизнь в согласии со своей верою во Христа Спасителя — Он нас спасает, — руководствоваться ею, осуществлять ее в жизни. Только такая, глубокая, убежденная, искренняя вера и может спасти нас от расслабления души и тела.

Но если по человеческой слабости мы не удерживаемся от нарушения, то надо нам хотя бы не терять сознания истинного пути в жизни, исправлять свои заблуждения и пытаться вновь и вновь встать на истинный спасительный путь веры.

Богу достаточно простой тяги нашей души к Нему и Он спасает нас. Необходимо помнить, что если мы влечемся к Богу, то мы для Него уже не грешники, а просто больные, ищущие исцеления. Вне этой тяги к Богу Он не может исцелить нас, как врач не может вылечить больного, который не отдается в его руки.

Мы все расслабленные телом, ибо во всех нас нездоровая душа, и все нуждаемся в помощи Божией. Но чтобы получить ее, нам нужно исправить свою жизнь, очистить свою душу от всякого греха и открыть дверь, дабы вошел туда сам Господь и сотворил бы чудо из чудес, сказав: Дерзай, чадо, вера твоя спасла не только тебя, но весь дом твой и род твой. Аминь.

Слово, сказанное в праздник Благовещения |

«Величит душа моя Господа и возрадовался дух мой о Бозе спасе моей» (Лк. 1, 47).

Сегодня наше сердце преисполнено величайшей радости, ибо Архангел Гавриил принес благую весть — весть о спасании всего рода человеческого, возвестив, что идет к падшему человечеству Тот, Кто спасет от неминуемой гибели.

Нам, православным, остается лишь понять смысл этого спасения, воспользоваться благодеянием. А если мы не поймем, мы не увидим Его, и, кланяясь Ему, мы останемся чужды, вдали от всех благ, уготованных для нас.

Но одного желания — слишком мало для пробуждения чувств, воли.

Мы до сих пор не смогли, не научились вырабатывать в себе духовно-религиозный характер, по причине того, что наше творческое начало занято другим. Нам всю жизнь было некогда, не было стимула побарывать в себе свои собственные слабости и ничем неоправданную лень. Потому что мы были одержимы земной и слишком человеческой суетой.

Божии лучи безусловно касаются нашей души, но она отзывается слишком пассивно, а ее способностью благодатно в ответ откликаться часто пренебрегаем, не укрепляем ее в себе. Мы поч-

ти не задумываемся, что у нас есть душа, что она главнее тела, что ее нужно украшать духовными качествами и добрыми делами, что необходимо омывать слезами покаяния, освящать святыми таинствами.

В глубине нашего существа подчас чуть-чуть брежжет потребность в духовном освящении, но тут же исчезает, как бы выскользнув из нашего сердца. Почему так происходит? Да потому, что лучи Божии, или стук Христа в нашу сердечную дверь, не радует нас и утрата этого нам кажется не слишком велика. Мы подавлены силою личного бытия, не осуществляем свой христианский долг, но а если и осуществляем, то слишком вяло и нерешительно.

Стоя в святом храме в этот великий день, в день благой вести, обратимся к своей душе с призывом: воспряни, душа моя, чтобы пощадил тебя Христос. Воспламенись благодатным лучом, дабы плениться тебе Божественной радостью. Раскрой внутренне пространство духа и приучи себя к исканию благодатного жития.

Матерь Божия! Помогни нам положить твердое намерение слушать Господу одному. И да будет этот день для нас днем благой вести и истинным провозвестником нашего спасения. Аминь.

Слово, сказанное перед таинством исповеди

Если будет угодно Богу, завтра всем вам предстоит причаститься Святых Таинств Христовых. В этой святой чаше под видом хлеба преподается нам истинное тело Господа нашего Иисуса Христа, а под видом вина истинная Кровь Христа.

Здесь, в этой святой чаше, огонь Божественный, достойных очищающий, а недостойных пополняющий. Но прежде чем принять Господа в дом души своей, нам нужно освободить свою душу от греховных уз.

Благоразумный разбойник, вися на кресте, успел приготовить себя к достойной встрече со Христом. Сегодня вы приступаете к таинству исповеди, а посему не следует удерживать в душе своей болезненных вздохов, ибо этими вздохами душа облегчается от грехов. Не надо стыдиться сердечных слез, так как этими слезами омываются греховные скверны.

Нужно забыть все греховное, земное, помня, что на нас смотрит сам Господь. Сегодня мы находимся как бы на страшном суде; сегодня решается наша участь причастности к вечности. А завтра вы причаститесь тела и крови Христовой, и тем, кто достоин, будет дарована вечная жизнь.

Сейчас, когда все мы стоим перед святым Евангелием и Крестом, пусть каждый из вас в душе своей скажет: я великий грешник, самый первый в мире, но я больше не хочу быть таким, хочу исправиться, хочу бросить все свои плохие привычки, оставить порочные намерения. Так помоги мне, Господи, чтобы мое причастие животворящего тела и крови не было лобзанием Иудиным, но прими меня, как некогда принял разбойника, и вопию Тебе: помяни мя, Господи, во царствии Твоем! Аминь.

Слово, сказанное на пассию

«Отче, отпусти им: не знают, что творят» (Лк. 23, 34).

Только что мы слышали евангельское повествование о том, что Сын Божий и Сын человеческий, Господь наш Иисус Христос, весь измученный и израненный, с терновым венцом на голове, облитый потом и кровью, шел теперь не на проповедь и не туда, где ждут страждущие для облегчения своей земной участи, а шел туда, где должна пролиться Его Божественная кровь за род людской.

Христос шел на Голгофу не один, а в сопровождении двух разбойников, двух злодеев, а позади шел Симон Киренейский, помогая нести крест, когда Христос от изнеможения падал под его тяжестью.

Христос был распят во главе со злодеями. И это было не случайно. Здесь совершенно ясно выразилась торжествующая злоба врагов, которые изыскивали все средства, чтобы увеличить позор и поругание над Христом.

Каждый раз мы слышим это повествование и каждый раз скорбим о случившемся, но, к сожалению, забываем, что эта голгофа продолжается и в наше время.

Христос молился в Гефсиманском саду перед искуплением человека. А мы всегда ли молимся в положенное время! А если и молимся, то понимаем ли, о чем молимся? А быть может мы просто шевелим губами, создавая видимость молящегося?

Христос приходил и будил святых апостолов, прося их молиться во время гефсиманского борения. А мы разбудили кого-либо из спящих во грехах, научили молиться или научили доброму делу? Служили ли мы хорошим примером? Нет, мы даже не смогли воспитать своих детей в страхе Божиим, а теперь мучаемся, страда-

ем, плачем, осознав грозный приговор Христа, сказавшего: «Где будут чада ваша, там будете и вы».

Христос был предан целованием Иуды, а разве мы не уподобляемся Иуде, когда ставим на первый план свое благополучие, нежели собрата, когда скрываем свои таланты с целью, чтобы кто-то не жил лучше нас?

Мы слышали, как насмехались над Христом, а мы, не насмеемся ли над своими ближайшими братьями? Не является ли насмешкой над Христом неисполнение хорошо известных нам Его заповедей?

Христос нес крест. Несем ли мы свой крест, жизненный, христианский, и всегда ли помогаем другому человеку нести его крест? Помогаем ли своим близким в дни тяжелых испытаний, успокаиваем ли их? Не оставляем ли человека в горе одного?

Христос распялся на кресте ради человека, ради его спасения. А много ли мы распинались в своей жизни ради Христа, ради ближнего своего? Мы, скорее, распинали Христа своими грехами, распинали ближнего своего невниманием, своим мнимым превосходством над ним. Христос молился за своих распинателей. А молимся ли мы за людей, причинявшим нам обиды?

Мы слышали, как воин вонзил копие в ребро Христа. А разве мы не вонзаем острие копия своих ядовитых слов в сердце своего ближнего? Мы иногда одним небрежным словом вонзим да еще провернем, чтобы было больнее, чувствительнее.

Вот что мы должны вынести из только что прочтенного Евангелия. Вот как мы должны не только бичевать себя, но и исправлять свое отношение к делу спасения.

Господь сказал, что блажен человек, кто душу свою положит за други своя. А это значит, далеко не то, чтобы действительно положить голову на плаху и ждать смерти, а то, что мы должны жить той жизнью, какой живет мой брат, моя сестра во Христе. Наш святой долг — разделить тяжелую участь ближнего своего, взять тяжесть его креста на свои плечи и вместе с ним нести его до победного конца. Только живя так, мы можем надеяться на милость Божию в деле своего спасения. Аминь.

Слово, сказанное в Великий четверток

«Аз же молился о тебе, да не оскудеет вера твоя»
(Лк. 22, 32).

Так сказал Христос своему ученику и апостолу Петру. Господь наш Иисус Христос уже предвидел, что после Его крестной смерти враг нашего спасения будет колебать веру в учениках, дабы помешать им идти спасительным путем и тем самым воспрепятствовать достижению Царства славы.

Христос молился Богу Отцу об укреплении веры в учениках, ибо знал, что вера — это встреча человеческой души с Богом и в то же время явление Бога человеческой душе.

Поистине душа человеческая имеет бездонную глубину, где она соприкасается с Богом, впитывает Его в себя, живет общей жизнью и находится с ним в самом теснейшем общении и единстве.

Через сохраненный в себе образ Христа мы чувствуем самого Бога, постигаем истину, воспринимая ее, как голос самого Господа. Вот поэтому-то мы свято чтим Церковь Христову, ибо в словах ее наставников воспринимаем правду и премудрость Божию.

Только что мы были свидетелями и соучастниками в последних днях жизни Христа на земле. Жизнь Богочеловека на земле указывает нам путь к вечной жизни и блаженству через самоотвержение и любовь к ближнему. Мы видели, что сердце Иисуса Христа неустанно горело Божественным светом любви, и эта любовь к падшему человечеству заставила пойти на крестную муку, чтобы спасти мир от господства греха.

Находясь в храме в этот великий день, вознесем свои молитвы со словами: Христе, Спасителю наш! Ты дал нам столько уроков со Своего креста, так подай и силу к исполнению их. Ты один лишь силен, а мы немощны. Укрепи наши духовные и телесные силы для дальнейшего крестоношения. Укрепи нашу веру и нашу связь с Тобой, истинным Богом и Спасителем нашим, да не погибнем до конца. Аминь.

Слово, сказанное в Великий пяток

«Боже, прости им, ибо не ведают, что творят» (Лк. 23, 34).

Не жалобные вопли, не негодования, не проклятия, требующие выкупа за оскробление, нанесенное Христу несчастным человечеством, а молитвенный стон души к Богу Отцу за распинателей: «Боже, прости им, ибо не знают, что делают!» — показал, что Он пришел на землю из-за любви к падшему человечеству; что Он добровольно взял на Себя все человеческие страдания и тем самым вливает в мир спасительную силу искупительной любви.

Христос засвидетельствовал, что Бог не грозный Судья, не всемогущий тиран, как это представляли язычники, а носитель страдальческой любви. Что искупительная жертва Христа есть не только примирение Бога правды с грешным миром, но и примирение страдающего мира с Богом.

Гефсиманское борение, страдание и крестную смерть Христа нужно понять, как принятие на Себя Богом всего мирового страдания, ибо это действительно есть истинное спасение мира, так как навсегда утверждена всепревозмогающая радость любовного общения между Богом и миром.

Если даже Христос будет рождаться ежегодно в Вифлееме, мы все равно погибнем, если Он не родится в нашей душе. Если жертва Христа на кресте будет ежегодной, она все равно будет бесполезной, бесплодной, если мы не проявим готовность подражать Христу, соучаствовать в искупительной, жертвенной любви друг к другу.

Главное, чтобы Христос со всеми своими учениями постоянно рождался в нашей душе. Ведь искупительная жертва Христа вливает в мир бесконечный поток нравственно исцеляющей и возрождающей силы, помогая людям быть активными соучастниками этой искупительной жертвы.

Вот в этом-то и состоит путь креста, путь, по которому идут все православные христиане, путь, которым шли все безымянные святые, которые являются выражением правды христианства. Этим путем и мы должны идти, если хотим быть соучастниками славы Божией. Аминь.

Слово, сказанное перед исповедью во время Великого Поста на первой неделе

«Творяй грех — есть раб греха» (Ин. 8, 34).

Мы пришли сегодня в храм, чтобы очистить свою душу от множества грехов своих и сбросить с себя неимоверную тяжесть. Сегодня мы принесли свое сознание, что больше не можем, не хотим жить так беспечно и нерадиво, как жили до сего дня.

Каясь в своих грехах перед святым Евангелием и Крестом, в присутствии духовного отца, мы обязаны раскрыть свою душу и постараться очистить ее слезами покаяния с искренним желанием больше не возвращаться к греховной своей жизни.

Духовник, принимающий Вашу исповедь, является живым свидетелем Вашего раскаяния и от имени Христа Спасителя разрешает вас от всех Ваших грехов. Духовник — это врач, это и советник, который вместе с вами молится, соболезнует о содеянных грехах, предлагает меры к избежанию и повторению их; он вместе с вами ищет путь к исправлению и умилоствлению Бога.

В силу сознания своей греховности человек приходит в отчаяние, ибо грехи его превыше небес, но не взирая на это, человек должен помнить, что он всегда стоит перед милосердием Божиим, которое так велико, что бездна грехов всего мира утопает в любви Бога Отца.

Нам только необходимо проникнуться искренней верой в это милосердие Божие и, приложив старания, направить свой жизненный путь на путь спасения, дабы пребывать в лучах Божней Благодати и сорадоваться вместе со всеми святыми во славе Отца нашего Небесного.

Обратимся же ко Господу Богу и попросим Его: Милосердный Опаситель наш! Ты, видя немощь нашу, приди на помощь нам и Сам восполни то, что мы не можем сделать своими силами. Помогни нам принять святыя Таинства не в суд или в осуждение, но во исцеление души и тела. Аминь.

АЛЕКСИЙ II И... ТЕАТР (записки паломника)

Чуть более года назад, а именно в двадцатых числах июля, находясь в городе Суздале в качестве туриста и паломника, я стал нечаянным свидетелем редкой, в своем роде, конфузливой ситуа-

ции, в которой оказался никто иной, как сам Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Редкой, а может, и даже редчайшей — прежде всего для самого Патриарха, так как сомневаюсь, чтобы за относительно короткое, полторогодовое свое патриаршество ему приходилось сталкиваться с чем-то подобным. Но все по порядку.

Двухнедельная программа моего пребывания в Суздале подходила к концу, я уже собирался уезжать, к тому же резко испортилась погода, задул холодный порывистый ветер, чистое и до сих пор приветливое суздальское небо стало тяжелым и хмурым, когда по городу прокатился слух о возможном, на завтра, приезде Алексия. Патриарх якобы, следуя в почетном кортеже вслед за вновь обретенными мощами Серафима Саровского, перевозимыми из Москвы в Девееву пустынь, пожелал по пути завернуть и сюда, но, правда, уже без мощей.

Это было интересно. Это было весьма любопытно, и я решил таки на день задержаться. В данном случае меня интересовал не столько сам Патриарх (видел я его уже не раз, и по телевизору, и дважды «живьем»: раз в Елоховском, раз в Троице-Сергиевской Лавре), сколько то, с чем он приедет, что скажет людям, как поведет себя в той довольно, надо сказать, не простой ситуации, когда основная масса прихожан Суздаля ушла, выражаясь языком «Московского церковного вестника» (официального органа Патриархии) в «зарубежный раскол». Ведь не любопытства же ради единого ехал. Не на экскурсию, как частное лицо или какой-нибудь именитый иностранец.

В день приезда Патриарха небо над Суздалем вдруг прорвало, и полил, стал бросаться горстями в лицо холодный и колкий, как осенью, дождь. Он на короткое время то утихал, то вновь нарастал, и весь этот день, с утра и до вечера, в Цареконстантиновском храме дежурили бабушки и тряслись от страха — кабы не было провокации. «Да не бойтесь, — успокаивал их архимандрит отец Федор, — они сами вас бояться. Сюда-то уж, во всяком случае, не придут».

Да, сюда, в «раскольничий» храм, они, то есть Патриарх со свитой, едва ли придут. Это стало понятно и мне. А куда?

Говорили, патриарх, видимо, будет выступать на площади. На древней покрытой брусчаткой, Торговой площади Суздаля. «Видимо», но не наверняка. Если будет выступать, значит, будет говорить. А что можно говорить в его положении? Наверно, прошел такой слух, попытается примирить. Опять же — кого и с кем? Какая-то ворона принесла на хвосте, что якобы патриарх привезет с собой того самого архиепископа Валентина Мищука (тезку нынешнего суздальского владыки), из-за которого и разгорелся весь сыр-бор, бывшего управляющего Владимиро-Суздальской Епар-

хии, разжалованного будто бы до рядового священника и неизвестно куда за тот скандал сосланного. Привезет и бросит перед народом на колени: вот он зачинщик и главный виновник «раскола» — что учудил: подбивал епископа Валентина (Русанцова), честнейшего и заслуженно пользующегося авторитетом у прихожан архипастыря, на лжесвидетельство. Анафема ему и отлучение на двадцать лет от причастия!.. Говорили, что кто-то уже даже видел в Кремле среди поджидавшего патриарха епархиального духовенства этого самого Валентина Мищука, без облачения, но с покаянно опущенной головой.

«В Кремле» — стало быть, там и будет встреча Патриарха. И там же, видимо, его выступление. И я побежал к Кремлю.

Там действительно уже стояла небольшая толпа... представителей городской и партийной администрации (с хлебом-солью, понятно, в руках), какое-то количество лиц духовного звания, с десятком крепких парней в одинаковых строгих пиджаках и одинаково бегающими туда-сюда глазами (хорошая компания, не так ли?), а также представители прессы и телевидения.

За полчаса до приезда Патриарха подвезли на автобусах иностранных и наших туристов. Прячась от дождя и не совсем понимая, по какому случаю их подняли по тревоге из теплого и комфортабельного гостиничного комплекса, туристы забились в давно уже виденный ими и оцененный по достоинству Богородичный храм и лишь время от времени высовывали носы наружу: ну что, скрам начало?

«Начало» началось около семи часов вечера, когда наконец подъехали черные лимузины, и Патриарха после хлеба-соли и приветственной речи со стороны администрации, под широким зонтом, провели непосредственно в храм.

Тут уже на обоих клиросах стояло по хору (оба привезенные): один мужской монашеский и другой смешанный академический. Там и сям — цветы; заженные за счет, надо полагать, горсовета, свечи. Горели паникадила... И началось.

Не знаю, как это лучше назвать: спектаклем или, быть может, концертом духовной музыки, или неким театрализованным действием под названием «А ля рюс православная храмовая служба. Все настоящее, вплоть до Патриарха. Вход бесплатный», — но именно такое ощущение у меня от всего этого сложилось. Честное слово, было обидно за Православие и неловко за Патриарха, когда он во время службы — а была отслужена вечерня, — поворачивался лицом к «пастве», а эта паства, полуоткрыв рты, смотрела кто на фрески, кто на сверкающие одежды архиереев из свиты, кто жужжал телекамерой, и практически никто, даже на мощное возгласание архидиакона: «Господу помолимся!» — не осенял себя крестным знаменем. Что-то такое, держа в руках свечки, пыта-

лись изображать «ответственные» номенклатурные товарищи из горкома, обкома и пр. официальных организаций, но как они это делают — нам неоднократно показывали по телевизору, транслируя всенощные бдения Рождества либо Пасхи.

Да, было Патриархом сказано несколько общих фраз по поводу того, в какой древний, богатый православными традициями город он попал, назвал, по подсказке, путаясь, двух местных святых, сообщил известную всем информацию о перетранспортировке мощей Серафима Саровского и... Вот и, собственно, все.

Спрашивается, кому и зачем был нужен этот бал-маскарад? Неужели ради пунктика, ради галочки, чтобы потом все это, должным образом смонтированное и сдобренное сладеньким сопроводительным дикторским текстом, показать по программе «Время». Вот-де, мол, не спим, функционируем, бдим!

А паства, настоящая паства сидела в это время по домам и в небольшой, скромной, без излишних претензий Цареконстантиновской церкви. Хорошо, если даже они в чем-то неправы, если они заблудились, впали в ересь, в «раскол» — пойди вразуми их, если ты пастырь. Если ты добрый пастырь. Добрый пастырь, насколько я разумею Писание, никогда не упустит возможности, находясь в двух шагах от заблудших овец, вернуть их в единое стадо. Если он «добрый» и пастырь вообще.

Но — ни слова. Как бы ничего и не было. Как бы все совершенно в порядке. Главное — видимость.

Сделать видимость, что ты приехал в благополучный во всех «патриархальных» смыслах город, сделать вид, что перед тобой стоят православные люди, постоянно делать вид, что ты не замечаешь, о каких таких беспорядках и настроениях во вверенной тебе Церкви все вокруг говорят — это надо иметь либо очень хорошую выдержку, либо абсолютно равнодушное ко всему, что не касается тебя лично, сердце. Но и то и другое не украшает Патриарха. Не могу себе, к примеру, представить в подобной роли святого исповедника Православной Веры Патриарха Тихона. Патриарх — это все-таки не одежды и не хорошая мина при плохой игре, это — крест, как понимал свое служение людям Святейший Тихон и как его понимаю я, простой православный паломник.

Нет, сдаётся мне, что все же зря я тогда остался в г. Суздале. Ничего нового для себя все равно не открыл. Да и погода испортилась.

А впрочем... Впрочем, может быть и не зря? Теперь я, по крайней мере, знаю настоящий лик Московской Патриархии — сам был свидетелем. Своими глазами видел. А как говорит поговорка: лучше один раз увидеть, чем... Надо ли продолжать?

Паломник ВИКТОР.

ГРОЗА В НОЧЬ УБИЕНИЯ ЦАРСТВЕННЫХ НОВОМУЧЕНИКОВ

16 июля, в канун праздника преподобного Евфимия Суздальского и всея России чудотворца, Царственных Российских Новомучеников, а также дня памяти св. благоверного князя и мученика Андрея Боголюбского, соборный колокол Цареконстантиновского храма возвестил о начале всенощного бдения. Рака со святыми мощами преп. Евфимия, украшенная цветами, привлекает взор каждого молящегося; цветами же и душистыми полевыми травами украшена и икона царственных Новомучеников Российских. Подсвечники полнятся свечами, их трепетные огоньки свидетельствуют о живой вере прихожан храма Божьего, стройное пение детского хора, лишенное артистической вычурности, возбуждает особый молитвенный подъем.

В самый момент службы доподлинно чувствовалась живая связь веков, духовная преемственность святых подвигов преподобного Евфимия, друга и собеседника преподобного Сергия Радонежского, страдания и мученическая кончина святого благоверного князя Андрея Боголюбского, а также возвышенная и вместе с тем трогательная, имевшая такое трагическое, исповедническое завершение жизнь Царственных Новомучеников — царя-мученика Николая и иже с ним.

Праздничная лития совершалась вокруг храма. На полиелее, который возглавил Преосвященный епископ Суздальский и Владимирский Валентин, попеременно пелись величания преп. Евфимию и Царственным Российским Новомученикам.

В полночь, с 16 на 17 июня мерные удары колокола, поплыв над погруженным в ночные сумерки Суздалем, возвестили о начале торжественного молебна, а ночная тьма подчеркивала и живо напоминала собравшимся прихожанам время страдальческого подвига венценосных мучеников. Молебен возглавил Преосвященный Владыка Валентин. Все молящиеся держали в руках зажженные свечи. В начале и после молебна со словом назидания о значении прославления святой жизни и подвига Царственных Новомучеников к пастве обратился епископ Валентин. Надо отметить и такое совпадение. В течение более месяца в г. Суздале и его окрестностях не было дождя и верующие уже собирались в ближайшее воскресенье «подрядить» молебен о бездожии, однако во время ночного молебствия Царственным Новомученикам началась гроза с обильным дождем, в котором так нуждалась высушенная жгучим солнцем суздальская земля. Громкие, временами оглушающие раскаты грома, прочерки молний и яркие их сполохи освещали погруженный в ночной мрак храм и собравшихся в нем. В шуме

лющегося за стенами храма дождя было нечто трепетное и вместе с тем духовно возвышенное.

А ранним утром в 6 часов у мощей преп. Евфимия был отслужен молебен и акафист. Перед началом Божественной Литургии стало известно, что разделить торжество праздника в Суздаль прибыли гости — протоиерей о. Михаил Протопопов из Австралии и сорпovoждающие его иереи Глеб Якунин и диакон о. Сергей.

После Божественной Литургии с приветственным словом к собравшимся богомольцам и паломникам обратился преосвященный епископ Валентин, предоставивший затем слово иерею Глебу Якунину, который рассказал верующим о работе комиссии по расследованию сотрудничества религиозных деятелей с безбожными властями. Результаты этого расследования, сказал о. Глеб, являют печальную картину — почти большая часть епископата М. П. в той или иной степени была завербованными агентами безбожников, которые не только доносили и лжесвидетельствовали, но и во многом способствовали развалу внутрицерковной жизни. Далее о. Глеб подчеркнул значение подвига. Св. Царственных Новомучеников и сказал, что при наличии покаяния и от принесения его достойных плодов зависит судьба России и всего мира.

Со словом приветствия обратился также и протоиерей о. Михаил Протопопов, гость из Австралии.

Закончились торжества возглашением уставных многолетий. После чего все собравшиеся, прихожане и гости, отправились в трапезный храм Скорбящей Божией Матери, где было приготовлено угощение по случаю праздника.

Вечером этого же дня, в канун праздника преп. Сергия Радонежского и Новомучеников Великой Княгини Елизаветы, инокини Варвары и иже с ними в Алапаевске убиенных, было совершено торжественное всенощное бдение. В самый праздник — Божественная Литургия. Проповедь на тему праздника произнес архимандрит Федор.

После молебна преподобному Сергию и алапаевским Новомученикам, среди которых яркой звездой сияет великая княгиня милосердия Елисавета Федоровна, отслуженным преосвященным епископом Валентином и соборным причтом, было обращено к молящимся краткое назидательное слово Владыки по поводу праздника.

Архимандрит ФЕДОР

МЫ НЕ РАСКОЛЬНИКИ!

(открытое письмо архиепископу Ивановскому и Кинешемскому АМВРОСИЮ)

Ваше высокопреосвященство! 11 марта сего года Вы запретили меня в священнослужении под омофором Московского Патриархата за то, что я «дерзнул» заявить о своем переходе в лоно Российской Православной Свободной Церкви. В наших беседах — в день запрещения и позднее (по телефону) — мне не удалось призвать Вас к благоразумию и убедить в несправедливости мер, принимаемых Вами против ивановской общины верующих, создавших свой приход с целью религиозной деятельности при благословении Управляющего делами Российской Православной Зарубежной Церкви епископа Суздальского и Владимирского Валентина.

Вы настойчиво пытаетесь представить нас раскольниками, а Епархиальное Управление — единственным «хозяином» всех храмов, расположенных на территории Ивановской области, включая и еще не открытые и не освященные Вами. Однако Вам ли не знать историю Русской Церкви в советский период. Вам ли не знать, как в результате малодушия митрополита Сергия (Старгородского) в 1927 году был заключен предательский союз Православия с его жестокими гонителями: «во спасение Церкви от разгрома безбожниками» (см. газета «Известия» от 29 июля 1927 г.); союз, положивший начало величайшему расколу, жертвы которого столь же неисчислимы, как и многие другие жертвы «красного террора».

Думаю, что не нам с Вами сейчас вершить суд истории. Но перед лицом тех, кто ныне искренне жаждет духовного возрождения нашей Родины, я считаю своим христианским долгом отстаивать исповедание истинной отечественной православной веры, незапятнанной никакими «компромиссами», а лишь стяжающей благодати Божией.

Поэтому воинственность Русской Православной Церкви, управляемой Московским Патриархатом, по отношению к своим же братьям во Христе, ее готовность учинять гонения и любыми способами препятствовать возвращению изгнанной и рассеянной по миру, долгие годы влачившей мученическое существование в «катакомбах», но не подчинившейся фарисейскому призыву митрополита Сергия Церкви, вызывает неутешимую боль в душе.

Разве эта Церковь исповедовала и исповедует не то же Православие, поражена еретизмом, нарушает канонический служебный Устав или служит антинародным интересам? Вам хорошо известно, что это не так и что единственная ее «вина» — в непризнании

Московского Патриархата моральным преемником прав на монополию владения душами россиян и их храмами.

Да и какие права могут быть у организации, учрежденной лишь в 1943 году самим Сталиным, который и назначил Сергия патриархом, тогда как истинный Патриарх Московский и Всея Руси — святой Тихон — призывал перед своей смертью всех верующих людей России к неповиновению незаконному сатанинскому правительству? В одной из наших бесед Вы обмолвились о том, что «если бы не компромисс, то ни Вас, ни Епархии Ивановской не существовало бы». Я же осмелюсь предположить, что если бы не это соглашательство отдельных трусливых иерархов церкви, то не были бы разрушены или превращены в конюшни 95% храмов (от 80 тысяч, действовавших в стране до 17 года), которые Вы теперь высокомерно называете «своими».

Вы с амвона кафедрального собора постоянно взываете к миролюбию, к религиозной совести и искренности. Но искренен ли и к миролюбию ли направлен Ваш шаг по скоропалительному созданию церковного совета при Успенской церкви (Смирнова, 76) после того, как Вы узнали о подаче документов на регистрацию в Управление юстиции нашего Прихода? Ваше заявление было представлено туда игуменом Зосимой спустя неделю, 23 марта, но помечено задним числом, 9 марта, т. е. аж за три дня до моего запрещения.

Между тем Приход Российской Православной Свободной Церкви начал образовываться почти год назад, в интеллигентской и студенческой среде города. Люди жаждали истинной, незапятнанной веры, сочувствовали суздальским событиям декабря 1989 года и не потому редко посещали храмы Ивановской Епархии, что (по Вашим словам) «не имели веры», а потому, что в храмах этих вместо благодати встречали недоброжелательность и лукавство постоянных прихожан, горделивость и равнодушие к их духовным чаяниям священников, беспрестанный звон монет и гул старушечьих перебранок.

Остается теперь лишь сожалеть о тех из вновь крестившихся, кто ответил на это «уходом» в индийское язычество или впал в откровенную ересь. И вызывает более чем удивление Ваше упорное молчание по поводу распространения в нашем исконно русском городе сект всевозможных кришнаитов, ламоистов, даже сатанистов, в то время как своих же православных Вы пытаетесь лишить возможности служить Единому Истинному Богу.

Наша молодая община просит Вас оставить нам и не заявлять своих незаконных претензий на единственную в городе «бесхозную» церковь, но Вы почему-то очень боитесь этого. Причина такого страха мне видится в осознании того, что для Московского Патриархата, как год назад для КПСС, близится час кончины, ибо

не может уже «дерево худое» выдавать свои плоды за добрые и горит, как бесплодная смоковница.

И еще один момент в наших отношениях удивляет меня. Наш Приход, требуя себе храм, вовсе не преследует никакие враждебные цели по отношению к Епархии. Мы не раскольники, и я неоднократно говорил Вам, что мы хотим лишь спокойно молиться, учиться вере, помогать возвращению гражданам нашего города православной духовности: путем создания для их детей гимназии, издания своего журнала и мирной пропаганды Слова Божиего. Враждебность же исходит именно со стороны Епархии, должной казалось бы усилить в наше смутное время проповедь о любви к Богу и ближнему. Что же, выходит, не всякий ближний для Вас достоин любви? Выходит, что Церковь, на словах берущая образцом для себя пример смиренного мытаря, на деле уже не может не уподобляться городскому фарисею?

Образумьтесь, Ваше высокопреосвященство! Поделитесь народным достоянием с верующими ивановцами, которых сейчас Вы в запальчивости называете «чужими». Помните, наконец, слова Спасителя о том, что «Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно». Тайными являются Ваши выпады против молодого Прихода. Тайно, используя «телефонное право», Вы хотите оставить за Епархией церковь, Вам вовсе не нужную и обреченную, в случае передачи ее Вашему приходу, надолго остаться безвидной и безлюдной.

Но тайно же Вы можете сделать доброе дело, уступчивостью предотвратив нежелательный для нашего мирного и боголюбивого города конфликт.

Все еще с уважением — иерей **Валерий КЛЯЧИН**

«ПИСЬМА К ДРУГУ»

Ваше Высокопреподобие!

Благодарю Вас за присланное письмо. О каком прощении Вы хлопочете? Что именно я должен простить? Ваше оскорбление? Но ведь Вы не меня оскорбили, а самого себя, представ перед моими собратьями ни смиренным архимандритом, каким Вы раньше были, а своевольным и беспощадным диктатором. Так что же я должен и что могу простить? Слепое безрассудство Ваше? Но ведь в нем — не вина Ваша, а Ваша беда.

Я больше чем уверен, что Вы в самих генах своих от роду несете неистребимый заряд такого безрассудства, целиком и полностью подчиненного только требованиям плоти, а не Духа. Конеч-

но, безрассудство это можно было бы и поугомонить немного, но вряд ли на это хватит Вашей воли. Да и не только воли, но и желания. Вам не позволит это сделать Ваше непомерное, не знающее границ себялюбие. Любая попытка укротить себя потерпит крах. Любая попытка укротить в себе животную натуру неизбежно упрется в себялюбие и задохнется в нем. Человеческая гордость, чувство собственного достоинства в Вас задавлено безудержной гордыней. Гордыня же — мать всех грехов — требует жертв, и поэтому Вы принуждаете окружающих к безоговорочному преклонению. Так в чьей же власти простить Вам то, что Вы сами творите с собой? От кого Вы ждете прощения? Подумайте! Да поможет Вам Бог!

Удивляюсь, что до Вашего сознания до сих пор не доходят простые истины. Поймите же Вы наконец-то, что самой своей просьбой Вы расписались в полнейшем непонимании и незнании человеческой души. А кому, как ни Вам надо бы не только знать и понимать, но и самому научить такому пониманию подопечных. Вы же рассуждаете так, что дескать нет ничего зазорного в том, что иной раз плаете человеку в душу. Важно, мол, только извиниться потом, и все станет на свои места. Ведь часто мне приходилось слышать от Вас излюбленное Вами изречение: «Не было бы греха, не было бы и покаяния». По-моему, это самые настоящие безумные глаголы. Подумайте, кому нужно покаяние, если оно вызывается ценою греха?

Меня крайне удивило Ваше выражение: «...теперь-то, надеюсь, я искупил перед Вами свою вину!» Позвольте спросить, а понимаете ли Вы, что такое — искупление? В самом звучании этого слова угадывается что-то отягощающее, что-то идущее от купли. Не так ли? Не потому ли для Вас «искупить» — означает чуть ли не буквально — заплатить за причиненную травму. И в таком понимании Вы усматриваете проявление христианской морали? Да разве так поступали апостолы, являя пример истинного человеколюбия?

Подлинная добродетель состоит в том, чтобы постоянно и независимо от собственного состояния делиться с ближним всем. Ведь людьми должно руководить не преходящее покровительство, а постоянное чувство бескорыстной взаимопомощи. Каждый делится тем, чем сам располагает и не ждет, а тем более не требует никакой компенсации. В этом-то и состоит исходный смысл христианской морали.

Я уже как-то писал Вам, что человек — это не универсальный магазин, в котором, имея тугой кошелек, можно купить все, что заблагорассудится. Откровенно говоря, я не знаю и совершенно не понимаю, как подобное представление о людях уживается у

Вас с известными принципами христианской морали. Надо бы помнить, особенно Вам, занимающим такой высокий пост и имеющим столько титулов и должностей, что далеко не все продается, как и не все покупается, а тем более — душа человека, которая является живым творением нашего Создателя, и потому она, наша душа, не выносит никакого вторжения извне. От малейшего насилия над собой она увядает безвозвратно. И здесь от человека мало что зависит. Он может простить любую обиду, может стерпеть любое оскорбление, но воскресить душу в прежнем виде не в его силах и не в его власти. На теле раны зарубцовываются, а в душе рубцам держаться не на чем. Потому-то Христос и завещал своим ученикам беречь человеческую душу как зеницу ока.

Совершенно не в моих силах понять, чего Вы добиваетесь и чего Вы ждете от меня? Сами столько наделали, вбили и продолжаете вбивать такой огромный клин в наши взаимоотношения с шефом, а затем, сделав мизерное дело, самонадеянно довольствуетесь в надежде «искупления» своих далеко не христианских поступков. Сами содеяли, сами и будьте довольным содеянным. Так было всегда, когда разум уступал неуправляемости плотских вожделений.

Дорогой мой друг!

Мне кажется, я когда-то уже писал, что тенденция или склонность как-то чуждаться философии, или отказывать ей в доверии — это неправильно. Конечно же, это не случайная тенденция. Возможно, корни ее уходят в глубину тех веков, когда философия вообще считалась уделом избранных из числа свободных и наиболее состоятельных господ, в то время, как уделом подневольных рабов и смердов оставался только безоговорочно обязательный и изнурительный труд на своих владельцев.

Уделом избранных философия по традиции считалась и в более поздние века, ибо в силу сложившихся исторических условий, была, конечно, доступна далеко не каждому. Право самого приобщения к ней определялось уровнем образованности, что, разумеется, было далеко не всем по плечу, так как образование требовало длительного обучения, а значит — и известных затрат на содержание. Возможно, тогда-то и сложилось представление о философии, как о занятии праздном и не слишком почтенном.

Остается сожалеть, что люди, которые веками боролись за право на свое самосовершенствование, проявляли одновременно беспечность там, где надо было со всей серьезностью проявить решительность. К тому же, занятие проблемами экономическими ослабляло у людей внимание к осмыслению жизни и приводило к хроническо-

му, невежеству в своем большинстве. Считалось, что невежество широчайших масс — не самое главное зло в жизни общества, пока существуют неразрешимые проблемы экономические, и что для их разрешения куда важнее, чтобы темные массы побольше и более производительнее работали, создавая необходимые обществу материальные блага. А для занятий проблемами философскими достаточно и профессиональных мыслителей. Поэтому даже усилиями просветителей в XVIII в. философия была обращена не к широкому народным массам, а главным образом к властямущим, хотя как будто предназначалась для всех.

Я вполне понимаю твой взгляд, хотя и не разделяю его, ибо убежден, что это далеко не так. Существует твердая уверенность, что многим философия просто недоступна. Недоступна сложностью своего содержания, противоречивостью великого множества своих систем, непонятностью на уровне терминологии. Такое убеждение существует и поныне и особенно наглядно прослеживается в нашей среде, где нередко можно услышать не только от простолюдина, но и от великого сановника — «удельного князька», вроде менторского окрика: «Валентин, поменьше философствуй, да побольше вноси в епархиальную казну!»

Явная парадоксальность такого убеждения состоит в том, что на самом-то деле философия никогда не была уделом избранных. Напротив, почти все, без малейшего исключения, люди, независимо от их положения, сана, уровня образованности, так или иначе философствуют. И порою даже не подозревают о том, что непроизвольно вникают в сложнейшие философские проблемы и делают очень важные открытия, коим, сделай их достоянием всего человечества, цены не было бы.

Мне кажется, что никому в голову не приходит, что разглагольствования простолюдина о своей жизни и о человеческой жизни вообще являются самой что ни на есть полноценной философией. Какой бы сложности проблему не ставила жизнь перед людьми, решать ее приходится не только избранным мыслителям с громким и почетным именем, но и каждому в отдельности человеку. Каждому, кто живет, приходится приспособливаться к условиям общественного бытия, а значит и искать ответ на какой-то главный вопрос данного отрезка времени. Вот так-то, дорогой мой друг.

Что именно недоступно простолюдинам? А разве у них нет своих представлений о жизни, о людях, о нравах и обычаях? Ведь, согласишься со мной, что у них есть и своя мудрость, помогающая им выживать даже в тех условиях жизни, которых не сможет вынести ни один самый умный и практичный мыслитель.

Эта мудрость опирается на вековой опыт их далеких предков и помогает безошибочно предвидеть любые повороты судьбы. Есть у них и то, что принято именовать профессиональной смекалкой, но в данном случае уместнее бы сказать: творческая струнка, изобретательная находчивость и поразительное чувство меры в своих поступках. А какое несоизмеримое богатство их души раскрывают различные ремесла и художественный фольклор!

Я больше, чем уверен, что простым людям недоступна не философия, а ее история, ее научная систематизация и ее терминология. Но зато простым, необразованным людям куда более доступен сверхчувственный опыт, лежащий в основе любой философской системы, то есть у них гораздо больше способности интуитивного восприятия, способности интуитивно-творческого предвидения.

Если ты вспомнишь историю, то непременно поймешь, что первый лук и бумеранг, парус и лодку, ветряную и водяную мельницы, колесо и телегу изобрели отнюдь не ученые и заслуженные лауреаты многих премий, инженеры, все это было изобретено простыми людьми, ибо в те далекие времена и науки-то еще не было. Простые люди в своем творчестве обошлись без науки, но творчеством своим они упредили и предопределили ее возникновение. А разве смог бы обойтись простой человек без способности творческого предвидения, без предварительного воображения?

Здесь необходимо твердо усвоить, что воображение и творческое оперирование — это и есть проявление сверхчувственного опыта, это и есть полноценная и полноправная философия! Ею-то и пользовались «незаметные и непрославленные» люди далекого прошлого...

Дорогой мой друг! Лично я полагаю, что ошибочно понимать философию только как поиск самых общих закономерностей жизни. Нельзя понимать ее, как некую систематизацию материальных и сверхчувственных реальностей. Я уверен, что в таком виде философия мало чего даст тебе, хотя и удовлетворит до некоторой степени твое любопытство. Пойми-то ты наконец, что философия — это глубинное постижение разумом объективной взаимосвязи, существующей между предметным миром и ДУХОВНЫМ потенциалом всего мироздания, то есть между землей и небом, между тобой и Богом. Такое постижение просто жизненно необходимо человеку и в частности лично тебе! Только оно даст тебе возможность осознать себя тем, кем ты есть.

Очень важно понять, что мера доступности определяется широтой и мощностью интеллектуального потенциала каждого чело-

века. Но расширение потенциала и увеличение его мощности может происходить не только за счет систематизированного образования, но и во многом — за счет личного общения людей друг с другом. Чем шире круг общения будет у тебя, тем больше предпосылок для увеличения мощности твоего интеллектуального потенциала.

Что же касается второго твоего вопроса о науке, могу сказать, что она неизбежно уводит человека в мир чувственных восприятий, в мир материалистического мироощущения. Человек несомненно узнает гораздо больше, но превращается в раба своих знаний, и ему становится все труднее вырваться из плена материальных систем, которые сопутствуют его образованности.

Человек чистой науки, сам того не замечая, мыслит только материалистическими категориями, и все больше утрачивает способность сверхчувственного восприятия. Находясь постоянно среди верующих простых людей, я понял, что они гораздо глубже чувствуют то, что образованный человек может только осознать, да и то не без труда!

Мои пожилые прихожане, которые далеки от книжной мудрости, живущие только по заветам своих предков, не облачают свои чувства и предчувствия в лаконичные формы крылатых изречений, как это делают иногда профессиональные философы, они выражают свои понимания жизни собственными поступками и своими отношениями к подобным себе. Они свято хранят заветы предков, считая их неоспоримой истиной, но толкование этой истины они регулируют силою собственной интуиции. Роль же ученых философов, в конечном итоге, сводится лишь к тому, чтобы только рафинировать и совершенствовать самое понимание достигнутого человечеством.

Я уверен, что ни один даже самый великий философ не мог бы сделать ни одного открытия, если бы он был начисто лишен возможности наблюдать за деятельностью людей...

